

В. ГИППИУС

Анна Ахматова

Лет семь тому назад в литературных и поэтических кругах и кружках Петербурга как-то вдруг заговорили о новом и несомненном таланте — Анне Ахматовой. За разговорами пришел и успех, сначала все в тех же кружках, а потом и в публике — вообще, как известно, настолько же скупой на лавры, насколько кружки на них расточительны. И Ахматовой стали рукоплескать не потому, разумеется, что вдруг прозрели или выучились за одну ночь хорошему вкусу. Были различные причины ее успеха. О более глубоких — позже, а пока назову одну из внешних, но важных: литературная улица всегда охотно подхватывает малейший намек на «эпатацию буржуа». В первое мгновение она сама чувствует себя эпатированной, но еще минута, и она понимает, что удобнее и почетнее присоединиться к эпатирующим: ведь союз с недавними врагами всегда был и будет непременным условием жизни улицы во всех ее видах. Элементы эпатации в лирике Ахматовой были, но враги и друзья еще усиливали их. Например, из стихотворения о русалке выхватывали начало: «мне больше ног моих не надо — пусть превратятся в рыбий хвост» — и, глумясь, относили их к автору. Во главе этой враждебно-дружеской улицы шел старый большевик русской критики — Буренин.

«Вечер» — первая книжка Ахматовой — вышел при хороших ауспигиях. Лансере нарисовал фронтиспис, Кузмин рекомендовал молодого поэта публике в остроумном, хотя и излишне манерном предисловии. Впрочем, и без рекомендации успех был бы обеспечен. За этот успех испугались те, кто успел уловить в молодом таланте признаки вечной поэзии. Ахматова сразу выделилась из суетливой толпы «молодых» — выделилась и благородством всего поэтического облика, и особенно искренней настроенностью голоса и смелыми приемами сти-

хотворного мастерства. В меткости эпитетов, в экономном — до скупости — расходовании поэтических средств видна была уверенная и искусно-легкая работа, невидная широким кругам «ценителей», но очевидная глазу специалиста.

Мне пришлось быть в числе тех, кто приветствовал в печати выход в свет «Вечера». В моем приветстве была и боязнь, что поэт, соблазнившись упоительными похвалами, забудет свою, уже явно намечающуюся «большую тему» для эффектных и хорошо ему удающихся пустячков. Опасения эти не сбылись — «большая» лирическая тема окрепла в следующем сборнике — в «Четках» и всеми звуками изобразилась в лучшей книге Ахматовой — в «Белой стае». Словесные игрушки отошли в тень, их заслонили живые создания.

Мало-помалу и дешевый успех стал сменяться серьезным вниманием: за успехом в публике пришел успех в обществе. Настало время спросить: в чем тайна этого успеха? Потому что «общество» притязательнее «публики», хотя его требования и не те, что у специалистов. За одно художественное совершенство и оно не сделает поэта своим любимцем, — ему нужно, чтобы любимец тронул какие-то его струны и какие-то его задания исполнил.

Чем же притягивают к себе стихи Ахматовой? Не силой мысли — для этого они слишком эмоциональны, не стройностью мировоззрения — для этого они слишком жизненны и хрупки. Я вижу разгадку успеха и влияния Ахматовой (а в поэзии уже появились ее подголоски!) и вместе объективное значение ее лирики в том, что эта лирика пришла на смену умершей или задремавшей форме романа.

Рядовой читатель мог недооценить звукового и ритмического богатства таких, например, строк: «И столетие мы лелеем еле слышный шелест шагов», — но не мог не плениться своеобразием этих повестей-миниатюр, где в немногих строках рассказана драма. Такие миниатюры — рассказ о сероглазой дочке и убитом короле и рассказ о прощании у ворот, напечатанные в первый же год литературной известности Ахматовой.

Потребность в романе — потребность, очевидно, насущная. Роман стал необходимым элементом жизни, как лучший сок, извлеченный, — говоря словами Лермонтова, — из каждой ее радости, и не только радости. В нем увековечивались и современные сердца с непреходящими особенностями, и круговорот идей, и неуловимый фон милого быта. Ясно, что роман помогает сознательно жить. Но роман в прежних формах, роман, как плавная и многоводная река, стал встречаться все реже, стал

сменяться сперва стремительными ручейками («новелла»), а там и мгновенными гейзерами. Примеры можно найти, пожалуй, у всех поэтов; так, особенно близок современности лермонтовский «роман» — «Ребенку», с его загадками, намеками, недомолвками. В этом роде искусства, в лирическом романе-миниатюре, в поэзии «гейзеров» — Анна Ахматова достигла большого мастерства. Вот один из таких романов:

Как велит простая учтивость,
 Подошел ко мне, улыбнулся.
 Полуласково, полулениво
 Поцелуем руки коснулся.
 И загадочных, древних ликов
 На меня поглядели очи.
 Десять лет замираний и криков,
 Все мои бессонные ночи
 Я вложила в тихое слово
 И сказала его напрасно.
 Отошел ты. И стало снова
 На душе и пусто, и ясно.

Роман кончен. Трагедия десяти лет развязана в одном кратком событии, одном жесте, взгляде, слове. Закон экономии средств не позволяет произнести этого слова.

Вот роман, в котором больше действующих лиц и фон более широк и четок:

Там тень моя осталась и тоскует,
 В той светло-синей комнате живет...
 ...И в доме не совсем благополучно:
 Огонь зажгут, а все-таки темно...
 Не оттого ль хозяйке новой скучно,
 Не оттого ль хозяин пьет вино?..

И мне думается, что в поразительном своеобразии, в бесспорной своевременности такого романа — разгадка хорошего успеха Ахматовой. Конечно, не этим одним ценна ее поэзия: есть в ней и чисто лирические струны, и звучат они часто и сильно, и нежно. Так, в «Белой стае» лирика даже преобладает над «романом», но и лирические признания кажутся здесь разрозненными страницами какого-то одного романа:

Как невеста, получаю
 Каждый вечер по письму.
 Поздно ночью отвечаю
 Другу моему...

Некоторые критики еще при появлении «Вечера» сочли нужным обвинить Ахматову в том, что поэзия ее «миниатюр-

на» в дурном смысле, т. е. — по содержанию и по чувствам, что автор не умеет выйти из тесноты собственного «я». Критика этого рода нас не обманет: мы знаем из практики, что подобные «знатоки» предпочитают румяна и картонные мечи с ламентациями о страданиях человечества — подлинному искусству и искренним словам о себе. Но и помимо того, обвинение критиков оказалось неосновательным в корне, это подтвердили «Четки», а особенно «Белая стая». В миниатюрах Ахматовой отразилась не только ее душа, но и души ее современников, и быт, и природа (особенно четок и уверен пейзаж в стихах «Белой стаи»). Иногда эти черты соединяются в одной картине — поразительной по правдивости:

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных, загорелых баб.

Далеко не всякий реалист сумел бы так кратко, метко и наглядно пояснить старое задание («интеллигенция и народ»). Стихотворения «Белой стаи» в особенности доказывают, что лиризм Ахматовой, развиваясь, и расширяется, и углубляется до религиозного чувства родины:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар.
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Благородство — и душевное и словесное, — этих строк, которые теперь должны стать нашей общей молитвой, — лучший ответ на упреки глухонемых критиков.

